

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. Б. ЛЕПЕШКО*

Лепешко Александр Борисович,
Брестский государственный
университет им. А. С. Пушкина

В статье осуществлен компаративный анализ ряда важнейших методологических идей, разрабатываемых юристами России и Беларуси на основе коммуникативного подхода применительно к национальной правовой политике. Сопоставлены основные теоретические положения коммуникативного и инструментального подходов, иных новаций методологического характера, позволяющих определить новые возможности в процессе совершенствования национального законодательства. Подчеркнуто и различие в подходах. Белорусские методологи видят главную задачу в формировании тех или иных доминант правовой политики в различных (доктринальном, нормативном, цивилизационном) аспектах. Теоретики коммуникативного подхода в России сосредоточили основные усилия в теоретико-методологической сфере. Кроме этого, представители белорусской методологической школы подчеркивают, что ново-

европейская правовая мысль выступает итогом развития прежде всего западного цивилизационно-культурного региона, следствием чего является критическое отношение к традициям и позитивное — к разного рода инновациям. Иной точки зрения придерживаются сторонники коммуникативной теории в России: современная постнеклассическая парадигма знания выступает продолжателем в том числе ново-европейских традиций, включая их в свой методологический арсенал. Приведены примеры, документы, характеризующие применение коммуникативного инструментария для решения актуальных правовых, социальных проблем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникативный подход, методология права, феноменологическая теория, совершенствование законодательства, национальная правовая система, инструментальный подход, правовая политика.

LEPESHKO A. B. COMMUNICATIVE APPROACH TO THE FORMATION OF LEGAL POLICY IN RUSSIA AND BELARUS: THE METHODOLOGICAL ASPECT

The article contains the comparative analysis of the most important methodological ideas developed by the lawyers of Russia and Belarus on the basis of a communicative approach in relation to the national legal policy. The author compares the main theoretical positions of communicative and instrumental approaches, other innovations of a meth-

* Alexander Lepeshko — Brest State University named after A. S. Pushkin
E-mail: a.b.lepeshko@gmail.com
© Лепешко А. Б., 2017

odological nature which help to determine new opportunities in the process of improving the national legislation. The difference in approaches is also emphasized. Belarusian methodologists see their main tasks in the formation of certain dominants of the legal policy in different aspects (doctrinal, normative, civilizational ones). The theoreticians of the communicative approach in Russia primarily focus their main efforts on the field of theory and methodology. In addition, representatives of the Belarusian methodological school emphasize that the modern European legal concept constitutes a result of the development of the Western civilizational and cultural region, which leads to a critical attitude towards traditions and a positive attitude towards various innovations. The supporters of the communicative theory in Russia adhere to another point of view: the modern post-nonclassical paradigm of knowledge acts a successor to the New European traditions, among others, including them in its methodological toolkit. Examples characterizing the application of communicative tools in order to solve urgent legal and social problems are given in the article.

KEYWORDS: communicative approach, legal methodology, phenomenological theory, improvement of legislation, national legal system, instrumental approach, legal policy.

Коммуникативный подход в определенной степени отражает неудовлетворенность состоянием модели методологического инструментария, который был наработан в рамках теоретических поисков времен Р. Декарта, т. е. модели, выстроенной на основе сугубо классической рационалистической методологии. Следует, однако, признать, что близкие по содержанию методологические идеи новаторского характера высказываются и юристами белорусской правовой школы, разрабатывающими новый инструментарий, который на основе уже имеющихся теоретических достижений позволил бы осмыслить развитие права с позиций реальностей, сложившихся в постсоветский период развития науки. На первый план здесь выдвигается поиск доминант правовой теории, требующихся для построения эффективной правовой политики в цивилизационно-культурном контексте. Научный интерес вызывает сопоставление основных теоретических положений коммуникативного и инструментального подходов, иных новаций методологического характера, позволяющих определить новые возможности в процессе совершенствования национального законодательства.

Исходные принципы, связанные с констатацией неудовлетворенности сложившегося положения дел в сфере методологии науки, опираются, в частности, на понимание ограниченности «монофакторного» (классовость, экономическая детерминация правовых явлений, формационность и т. д.) подхода. Как отмечает А. И. Демидов, как только государственная политика попадает «в зависимость от одного из указанных факторов, когда его значение абсолютизируется, целостность общества нарушается (и разрушается)»¹. Возникает множество проблем, которые трудно решить с помощью догматических, «окончательных» установок; не сложилась методология, позволяющая эффективно ответить на вопрос о том, какова

¹ Демидов А. И. О методологической ситуации в правоведении // Известия вузов. Правоведение. 2001. № 4. С. 16.

природа правовых ценностей, каким образом идея справедливости закладывается в правовую систему и т. д. Особенно актуальной эта задача (определение стратегии правового развития) выглядит для государств, ищущих новые формы своего правового существования. В этом аспекте и Беларусь находится в ситуации «складывания национальной правовой системы с одновременным определением собственного цивилизационно-культурного содержания»². Эту же мысль подчеркивают представители коммуникативного подхода, акцентирующие внимание на российской правовой действительности. Как пишет А. В. Поляков, в рамках научной системы, сложившейся в советское время, предполагался не столько диалог, сколько стремление приспособиться к уже известным «истинам», тогда как теория должна не только отвечать на требования своего времени, но и «стремиться перейти границы своего хронотопа в пределах отведенного ей коммуникативного потенциала»³. Общая черта подходов различных методологических школ к констатации сложившегося положения дел — обоснование «изменений в юриспруденции, когда важной становится не столько норма, обладающая формальными признаками права, сколько процессы, при помощи которых социум соглашается (либо не соглашается) с общеобязательностью определенного содержания»⁴.

Однако если белорусские методологи видят свои главные задачи в формировании тех или иных доминант правовой политики страны в различных (доктринальном, нормативном, цивилизационном и иных) аспектах, то теоретики коммуникативного подхода сосредоточили основные усилия в сфере собственно теоретико-методологической, т. е. разрабатывается новая интегративная теория права, не отвергающая иные теории, но утверждающая их неполноту, право рассматривается прежде всего как феноменологический и intersubъективный феномен. Кроме этого, имеется еще одно существенное отличие. Представители белорусской методологической школы подчеркивают, что новоевропейская правовая мысль выступает итогом развития в первую очередь западного цивилизационно-культурного региона, следствием чего является критическое отношение к традициям и позитивное — к разного рода инновациям⁵. Иной точки зрения придерживаются сторонники коммуникативной теории. Доктрина Нового времени — это лишь этап, веха на пути непрерывного развития западноевропейской правовой модели. Более того, современная постнеклассическая парадигма знания выступает продолжателем в том числе новоевропейских традиций, включая их в свой методологический арсенал.

² Калинин С. А., Павлов В. И., Сивец С. М. Правовая политика Республики Беларусь: современное состояние и стратегии развития // Весці Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Серыя грамадскіх навук. 2014. № 2. С. 83.

³ Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Известия вузов. Правоведение. 2006. № 2. С. 26.

⁴ Калинин С. А., Павлов В. И., Чубковец С. Н. Правовая политика Республики Беларусь в цивилизационно-культурном контексте (доктринальный и нормативный аспекты) // Право.by. 2014. № 4. С. 26.

⁵ Калинин С. А., Павлов В. И., Сивец С. М. Правовая политика Республики Беларусь... С. 84.

Обобщающим термином здесь выступает формула «новый тип рациональности». Иными словами, если новоевропейская традиция базировалась на классической рациональности, то современная основывается на постнеклассической, но обязательно рациональности. Далее, если белорусские исследователи полагают, что для восточнославянского мира на первом месте должна быть разработка собственных цивилизационно-культурных оснований развития, то сторонники идеи коммуникации видят приоритет в преемственности западноевропейского и российского пути развития, что не исключает признания важности и сугубо национальных факторов развития (например, роль и значение православия). Отсюда столь большое количество публикаций авторов, работающих в методологических рамках постнеклассической рациональности, в журнале «Известия вузов. Правоведение», редактируемом А. В. Поляковым, разработка новых для отечественной правовой мысли теорий (аутопойезиса и т. д.).

Если основной пафос коммуникативного подхода направлен на обоснование идеи коммуникации в правоведении, которая призвана исключить локализованность права в одной смысловой точке, будь то «закон», «правоотношение» и т. д., предложив «новую интегративную теорию», то иной подход демонстрируется белорусскими авторами. Здесь на одном из приоритетных мест правовое строительство в стране, проявившееся в концептуальной форме, причем как в инструментальном, так и в аксиологическом аспектах. Так, констатируется, что Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь⁶ носила в основном инструментальный характер. Идеино-смысловые параметры анализа развития белорусской государственности формулировались после 2010 г., одним из выражений работы такого уровня и характера явилось выполнение задания Государственной программы научных исследований на 2011–2015 гг. «Основы устойчивого развития национальной правовой системы в XXI столетии: методология, теория, практика». Сущность проекта подробно изложена белорусскими разработчиками программы⁷. Важную роль сыграли также Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь⁸, к которым мы обратимся ниже.

Для сторонников коммуникативного подхода основной теоретический интерес в данном аспекте сосредоточен на восстановлении прерванной после 1917 г. национальной правовой традиции, связанной с именами Вл. С. Соловьева, Г. Д. Гурвича, Л. И. Петражицкого, Н. Н. Алексеева и иных исследователей. Иначе говоря, существует понимание того факта, что

⁶ Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь: одобрена Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 46.

⁷ Калинин С. А., Павлов В. И., Сивец С. М. Правовая политика Республики Беларусь... С. 86–87.

⁸ Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь // Национально-правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by> (дата обращения: 20.04.2017).

интегративная концепция права активно разрабатывалась ранее и задачи национального правоведения сводятся не столько к разработке принципиально новых концептуальных подходов правовой политики, сколько к возвращению к теоретическим национальным истокам, очевидно, на основе идеи коммуникации и с учетом опыта развития правовых систем в иных регионах. Однако здесь существует проблема такого порядка: новый тип рациональности, который активно продвигается адептами коммуникативного подхода, требует проработки в аспекте его преломления к работам таких, например, классиков русской интеллектуальной традиции, как Вл. С. Соловьев, П. А. Сорокин и иных авторов, которые являлись представителями «чистой», «первой», «классической» рациональности. А. В. Поляков видит здесь выход в том, что современная правовая наука носит глобальный характер, дореволюционная правовая мысль развивалась в общем с западноевропейской мыслью русле и этот фактор позволяет оптимистично смотреть в будущее, т. е. Вл. С. Соловьев и П. А. Сорокин (в частности) представители не только российской интеллектуальной традиции, но и западной мысли, что является предпосылкой общего глобального подхода к осмыслению их творчества уже на современном этапе. Таким образом, фактически снимается необходимость детальной проработки новой национальной правовой стратегии. Об этом прямо в текстах представителей коммуникативного подхода не говорится, но, возможно, именно этим объясняется тот факт, что на сегодняшний день мы фактически не имеем работ прикладного характера, выполненных на основе данного методологического концепта.

Важным методологическим положением, близким как для коммуникативного, так и ряда иных методологических концептов, выступает, как отмечалось выше, акцент на аксиологической проблематике. Белорусские авторы прямо подчеркивают эту важность, утверждая, что динамическая устойчивость государственности «основывается на самостоятельно избранном ценностном консенсусе, выступающем интегрирующим фактором выработки стратегических приоритетов социума и личности», ценностный консенсус является необходимым условием развития национальной государственности⁹. Отсюда важность «антропологических практик», которые в корне меняют отношение к юриспруденции, отражая глубинные социальные процессы, и приводят нас к выводу, что «не столько право воздействует на поведение, сколько технология и культура формируют ткань “живого права” и основные юридически значимые установки»¹⁰.

В рамках коммуникативного подхода проблема соотношения формальных, инструментальных и ценностных факторов решается в пользу приоритета антрополого-аксиологической проблематики. Обратим внимание, в частности, на характер обсуждения в органах белорусской власти и обществе вопроса о необходимости внесения изменений в Директиву

⁹ Калинин С. А., Павлов В. И., Чубковец С. Н. Правовая политика Республики Беларусь... С. 25–26.

¹⁰ Там же. С. 26.

от 11 марта 2004 г. № 1 «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины» (июль — август 2015 г.)¹¹. На ряде совещаний, в том числе с участием главы государства, было констатировано, что содержание документа не соответствует нынешнему уровню развития общества, тем проблемам, которые актуализированы в последнее время. Основные требования к новому документу были сформулированы в плоскости исключения формализма, выявления новых негативных тенденций, связанных с безопасностью человека, и поиска адекватных ответов на них: «Документ, если мы его создадим, должен быть приземленным и конкретным, чтобы каждый руководитель, член правительства, министр, должностное лицо знали, где их задачи, в каком направлении двигаться. Пока мы этого формализма избежать не смогли», — констатировал глава государства¹². Не была исключена возможность внесения изменений и в иные директивы. Здесь обращает на себя внимание востребованность именно «коммуникативных» подходов в рамках поиска необходимого правового и управленческого решения, причем в единстве с подходом инструментальным. Фактически разделить эти методологические подходы сложно. Так, на первом месте — мониторинг ситуации и констатация того, что недостатки налицо, а действующий документ не позволяет оперативно реагировать на них. Далее фиксируется важность принципиального отказа от догматических установок, оперирования «раз и навсегда» определенными шаблонами действий, уяснения характера и сущности связи между принятыми принципиальными правовыми документами и характером изменения общественных отношений, социальных процессов в целом. Значим и тот факт, что вопросы безопасности выдвигаются на первый план, безопасность определяется как важнейшая социальная и правовая ценность, на ее обеспечение обращается особое внимание. Кроме того, «модернизация» одного из правовых документов демонстрирует связь как собственно правового, так и иных социальных регуляторов, т. е. значение Директивы № 1 основывается не только на важности привлечения ресурсов собственно правового характера для решения актуальных задач, но и на понимании ценности жизни, реального положения дел в сфере нравственности, религии, сложившихся обычаев и традиций. Далекое не случайным выглядит призыв главы государства к тому, чтобы добиться понимания сути Директивы людьми («порядок и дисциплина должны присутствовать в умах и душах людей»), причем в аспекте не только его общественного звучания, но и личной востребованности.

Однако важно иметь в виду, что применение коммуникативного инструментария для решения актуальных правовых, социальных проблем затрудняется иными факторами, прежде всего политическими, приоритет которых может выглядеть самодовлеющим. В качестве примера обратимся к проблеме беженцев, испытывающей сегодня на прочность в первую

¹¹ URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=p00400001> (дата обращения: 20.05.2017).

¹² Савко С. Президент: директива № 1 не соответствует нынешнему уровню развития общества. URL: <http://news.tut.by/society/459316.html> (дата обращения: 14.04.2017).

очередь западноевропейские демократии и актуальной для белорусской правовой и политической практики. Общеизвестны те трудности, которые испытывают страны Западной Европы в связи с критическим наплывом мигрантов, главным образом из африканских стран. Закономерно возникает вопрос о механизмах, которые помогли бы Европейскому Союзу решить возникшие существенные трудности. Методологически этот вопрос попытался решить Ю. Хабермас, зафиксировавший еще в 2009 г. «кризис Европы», связанный с провалом конституционных реформ в ряде стран (Нидерланды и др.). Причем решение представляется ему возможным именно с «коммуникативных» позиций.

Первый тезис связан с идеей интеграции: «Без конвергентных подходов к управлению, без среднесрочной гармонизации экономической и социальной политики мы передаем судьбу модели европейского общества в чужие руки»¹³. Речь идет именно о конвергенции стран и культур, а не об их «разбегании», дивергенции. Всемирно-экономические условия сегодня не дают национальному государству доступа к эффективным ресурсам управления, и поэтому необходимо добиться такого положения, так модернизировать правовую и политическую систему, чтобы наднациональные органы реально могли влиять на положение дел. При этом ученый прямо заявляет и о том, что в этой ситуации нужно сделать акцент именно на диалектику национальных и наднациональных структур и факторов. Национальных — в связи с важностью принятия именно европейского (а не американского, в частности) плана развития; наднациональных — как единственно возможных инструментов решения стратегически важных задач. Ю. Хабермас протестует против национального «ура-патриотизма», когда деды и внуки на разного рода ток-шоу обнимаются, умиляясь от нового, благонамеренного национального чувства¹⁴. Нельзя отрицать, что национальный фактор, национальные приоритеты выходят на первый план, и поэтому результаты референдума в Великобритании, связанные с прекращением членства в Евросоюзе, не выглядят исключительными. Но это — примеры «усеченной» коммуникации, неверного в принципиальном плане подхода. В то же время следует признать, что этот подход имеет под собой объективную основу: сформулированные в Брюсселе правовые нормы механически «пересаживаются» в национальные правовые системы, и получается, что общественность конкретных стран — граждане Европы — фактически «не существует», не участвует в выработке правовых решений.

Второй тезис связан с таким важным положением коммуникативной теории, как «вбирание» социумом различных культурных феноменов, часто непривычных европейскому сознанию, и создание на этой основе новой интегративной общности (Хабермас избегает словосочетания «европейский народ»). Речь идет о важности культурного плюрализма в жизни общества. Однако уважать чужие культуры, иные религиозные ценности — это общий посыл европейской правовой политики, не приведший, как из-

¹³ Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI. М., 2012. С. 70.

¹⁴ Там же. С. 73.

вестно, к позитивным результатам. Ю. Хабермас ставит вопрос в такой плоскости: «Внутреннее раскрытие замкнувшихся в себе культур открывает их также друг для друга»¹⁵. Иными словами, общеевропейская идентичность возможна на путях не «подтягивания» одних культур к другим, а их раскрытия, расцвета и взаимопроникновения. Этот тезис, заметим, в каком-то смысле возвращает нас к известному положению советской национальной политики, где основополагающей была максима о «слиянии наций через их расцвет». Эффективная интеграция может быть таковой исключительно на основе взаимности, полагают сегодня западные политики и юристы. Как пишет Хабермас, «у нас в Европе осуществление конституционных норм служит настолько неоспоримой предпосылкой совместной жизни, что истерический призыв о защите наших ценностей предстает как семантическое вооружение против неопределенного внутреннего врага»¹⁶.

Не с такой остротой, как в Европе, но достаточно последовательно проблемы миграции возникли и решаются в Республике Беларусь. Здесь ситуация носит несколько иной характер, чем у наших западных соседей. Связано это с тем, что мигранты из Украины, как не раз подчеркивалось на самом высоком политическом уровне, — «наши братья и сестры». Между украинцами и белорусами нет существенных различий в религиозной, ментальной, иных сферах. Кроме того, всем нам памятли многие десятилетия жизни в одном государстве, на основе одних правовых форм и одних ценностей, и потому белорусское общество демонстрирует высокий уровень лояльности, связанный с готовностью воспринимать более широкий спектр мыслей, исключить когнитивные диссонансы. Кроме того, белорусская национальная правовая система готова к гибким изменениям в той ее части, которая связана с проблемой миграции. Об этом свидетельствует, в частности, Указ Президента Республики Беларусь от 30 августа 2014 г. № 420¹⁷ о пребывании граждан Украины в стране. Результат его применения — реальная помощь сотням людей, что, конечно, не исключает возможностей его дальнейшего совершенствования¹⁸.

Один из дискуссионных вопросов, связанных с определением сущности правовой политики, касается понимания характера той программы, которая может быть положена в основание действий власти, общественных институтов. В частности, речь идет о поиске ответов на вопрос о том, какой характер должна носить эта программа: универсальный или локальный. Белорусские ученые отмечают, что акцент нужно делать именно на уникальности цивилизационного характера, самобытности национального развития, которые как раз и определяют структуру правовых ценностей. Речь идет не об априорной заданности ценностей, связанных в том числе с опытом иных стран, а о выработке собственного ценностного консенсуса, который позволит выстроить эффективную систему правовых отношений.

¹⁵ Там же. С. 76.

¹⁶ Там же. С. 77.

¹⁷ URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3961&p0=P31400420> (дата обращения: 20.05.2017).

¹⁸ Шевченко С. Как в лесу без компаса // Советская Белоруссия. 2015. 14 авг.

Причем важно то, что исходные посылки такого подхода частично совпадают с подходами сторонников коммуникативной теории. Так, С. А. Калинин, В. И. Павлов, С. Н. Чубковец отмечают, что «ценностные содержания присутствуют и вне права, однако в структуре правовой системы имеются некий собственный локус, ядро, концентрация правовых ценностей. Поэтому ценностное ядро должно оставаться стабильным и всякое его изменение должно следовать лишь после его общенародной легитимирующей санкции»¹⁹. Очень важная мысль: по сути, перед нами близкая версия тех методологических подходов, к которым апеллирует феноменологическая теория. Именно феноменология, ее сторонники впервые констатировали необходимость обнаружения «чистых сущностей», с помощью которых можно было бы определить то или иное явление без «примесей» иных значимых компонентов (для права это история, психология, лингвистика и т. д.). Однако есть здесь и существенная разница. Белорусские исследователи увязывают мысль о «ценностном ядре права» с важностью исследований на «периферии права», т. е. сами по себе ценности без обращения к правовым нормам и институтам на уровне законодательства мало что дают, необходимо обсуждать и практический контекст, проблемы. Но таким образом перед нами, по сути, проявляется демонстрация единства методологических возможностей коммуникативного и инструментального подходов. Собственно, другой вывод из рассуждений ученых сделать трудно: «Правовая ценность присутствует лишь в ядре (например, принципе права), а в норме либо институте содержатся лишь операциональные, технические положения, необходимые для конкретного обеспечения правовой жизни»²⁰.

Для сторонников «чистой» коммуникации при совпадении указанных и ряда иных положений наиболее значимы все же иные акценты. Первое — это подчеркнутый протест против «иррациональных и партикулярных» ценностей, которые направлены не столько на поиск истины, сколько на безапелляционное навязывание политических и идеологических доктрин. А. В. Поляков обращается к теме «дистанцированности» от ценностей такого порядка во многих своих статьях²¹. Иными словами, ценность ценности рознь, и необходимы серьезные теоретические усилия для того, чтобы выстроить иерархию ценностей, в рамках которой будут выделены приоритетные ценности и отсечены ценности «партикулярные и иррациональные». Причем неясно, кто и каким образом будет определять приоритеты такого рода. Второе — основные рассматриваемые проблемы связаны с интерпретацией категории «право»: возникновение права, отличие права от других регуляторов, право как коммуникация, характер и сущность объективного и субъективного права и т. д. Далеко не случайно та полемика, которую ведет А. В. Поляков, например, с М. И. Байтиным и Н. В. Варламовой, связана в первую очередь с характером правоотношений, противопостав-

¹⁹ Калинин С. А., Павлов В. И., Чубковец С. Н. Правовая политика Республики Беларусь... С. 27.

²⁰ Там же. С. 27–28.

²¹ См., напр.: Поляков А. В. Современная теория права: ответ критикам // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 6. С. 6–7.

лением норм права законодательству и т. д. Вопросы связи «ценностного ядра права» и проблемы развития «периферии права» остаются на втором плане. И третье — ценности связаны прежде всего с идеей коммуникации: «Законы необходимо соблюдать до тех пор, пока есть соответствие общим условиям социальной коммуникации»²². А главным таким условием является признание другого как равного, достойного и свободного в выборе варианта нормативного поведения человека. Ключевые слова здесь — «свободный в выборе вариантов» человек.

Вместе с тем представляется важным сфокусировать внимание не столько на различиях в подходах, сколько на том общем, что присуще современным исследователям в части поиска теоретических, методологических оснований правовой науки и определения соответствующей правовой стратегии. И здесь целесообразно становиться на нескольких основополагающих моментах. По сути дела, апелляция к «ценностно окрашенным» положениям законодательства является признаком как коммуникативного подхода, так и иных методологических новаций. В самом деле, разработка основополагающих дефиниций новой концепции сопровождается, в частности, у А. В. Полякова признанием важности соответствующей аксиологической традиции и опорой на нее. Например, идеи Л. Петражицкого комментируются таким образом: «В отличие от Л. Петражицкого я связываю понятие права не только с двусторонними эмоциями, но и с рационально-ценностным (интерпретация и легитимация) и институциональным критериями»²³. Белорусские исследователи, приводя многочисленные примеры тех правовых решений, которые приняты в Евросоюзе и которые встречаются как минимум неоднозначное отношение в Республике Беларусь (например, легализация однополых браков), полагают неизбежным учитывать ценностные предпочтения конкретного социума в рамках определения правовой стратегии. Отмечается, что это процесс сложный, противоречивый, в частности, встречаются противодействие те предложения в законодательстве, которые ориентируются именно на традиционные ценности. Например, признание в преамбуле Закона Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях»²⁴ значимой роли определенных религий и конфессий, выработанное в ходе общественной дискуссии, «позиционировалось как нарушение принципа конституционного равенства религий перед законом»²⁵. Другими словами, признание ценностной природы права как в коммуникативной теории, так и в рамках новаторских поисков белорусских ученых в данном случае выглядит аксиоматичным. Один из принципиальных вопросов связан с тем, что же нового вносит коммуникативный подход в решение практических вопросов в данном сегменте правового знания. Здесь необходимо исходить из признания А. В. Полякова, согласно которому аксиология комму-

²² Там же. С. 17.

²³ Там же. С. 14.

²⁴ URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3961&p0=V19202054> (дата обращения: 20.05.2017).

²⁵ Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации. С. 28–29.

никативной теории ничем не отличается от аксиологии, например, теории либертарной; исключение ученый видит в одном: «Я не обхожу вопрос природы структурообразующих правовых ценностей стороной, а объясняю их происхождение через природу коммуникативных отношений»²⁶. Природа же эта основывается на отношении одного человека к другому человеку, т. е. на коммуникации. Практический срез этого положения может иметь эвристическую ценность при определении тех ценностей белорусского общества, которые имеют приоритетный характер в рамках законотворческого процесса. Иначе говоря, с точки зрения коммуникативного подхода имеют приоритетное значение не все известные, мыслимые ценности, а прежде всего те, которые связаны с отношениями между субъектами. Здесь исторический контекст вторичен, а первично понимание коммуникативного характера отношений. Так, справедливость права определяется А. В. Поляковым как «соответствие должному». Но как определить собственно «должное», и нет ли здесь бессодержательной фразеологии, не приближающей нас к истине и не закрепляющей ее содержание правовыми нормами? Как вариант ответа может следовать апелляция к априорным нормам, т. е. существуют некие «вечные» ценности, формулируемые, скажем, в религиозных системах, к которым можно и нужно обращаться. Или же существуют те абстрактные философские категории, которые прошли испытание временем в трудах известных мыслителей (Платон, Аристотель, Конфуций и др.). Это неприемлемый подход, с позиций коммуникативного подхода. Должное может быть выведено из идеи коммуникации. Безусловно, здесь должно присутствовать взаимное признание, т. е. легитимация. Но если это так, то на первый план среди инструментов познания выдвигается изучение у субъектов взаимообусловленных (взаимосоотнесенных, коррелятивных) прав и обязанностей. Именно наличие коммуникации через корреляцию «текстуально обусловленных», нормативных и легитимных правопритязаний и правообязанностей и отличает право от религии, морали, иных социальных регуляторов.

Обращаясь к ситуации в мультикультурном мире, А. В. Поляков задается вопросом: можно ли назвать, например, закон, устанавливающий запрет на ношение паранджи в общественном месте, правовым или все же это будет неправовой закон? Ответ может быть только таким: правовой или неправовой характер закона может быть определен исключительно правовой культурой конкретного социума и соответствующими процедурами его принятия. Никакие априорные установки (соответствие идеалам свободы и равенства, например) здесь не играют существенной роли. Вообще только в процессе правовой коммуникации можно определить характер закона, причем определить апостериори (скажем, через судебное толкование). В этом контексте определение правовой стратегии развития конкретного социума вряд ли удовлетворит сторонников коммуникативной теории, если в основе этого определения будут лежать некие универсальные гуманистические принципы либо толкование сложившихся

²⁶ Поляков А. В. Современная теория права: ответ критикам. С. 21.

традиционных ценностей. Различные интерпретационные модели носят относительный характер, постоянно видоизменяются и взвешиваются в процессе правоприменения. В этом аспекте нет и абсолютных ценностей, на основе которых может быть выстроена правовая стратегия. Здесь возникает непростой вопрос о том, каким же образом преодолеть возникающий релятивизм, разрушающий, по сути, целевые установки, программные положения. Ответ один: это возможно исключительно в процессе коммуникации, которая выглядит универсальным средством для решения возникающих проблем.

Уже отмечалось, что для коммуникативной теории одной из важнейших является идея преемственности правового развития, причем преемственности не только с идеями русских юристов, но и европейской традицией. А. В. Поляков и его сторонники подчеркивают важность толерантности к достижениям западной правовой мысли и призывают к реинтеграции их в российскую правовую культуру и теоретико-правовую мысль. Как отмечается, «постклассическая парадигма предоставляет нам возможность стать “европейцами” в науке, не перестав быть “россиянами”»²⁷. Эта же мысль, но в ином ключе апробируется и в белорусской теоретической литературе. Так, В. И. Павлов отмечает, что «неклассическая парадигма вбирает в себя множество различных модификаций — от методологических проектов второй половины XIX в. до современных»²⁸. Это закономерно, поскольку в условиях глобализации деление на исключительно «национальные правовые системы» и правовые системы исключительно универсального характера вряд ли продуктивно. Тот акцент, который осуществлен в Рекомендациях по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь, обоснован характером развития суверенного белорусского государства, необходимостью концептуального изложения как идеологических аспектов правовой политики Республики Беларусь, так и новых методологических подходов к совершенствованию законодательства²⁹. И здесь коммуникативный подход может быть востребован, особенно в части методологической (понимание сущности права, роли и значения коммуникативных факторов, привлечение методологического инструментария таких отраслей знания, как феноменология, герменевтика, семиотика, новое содержание концепции интегративного знания и т. д.). Обращение к конкретным пунктам Рекомендаций показывает, что такая возможность реально существует. Например, содержательное наполнение социальной функции государства с перспективой выхода на формирование национальной доктрины социального государства (п. 37 Рекомендаций) может быть осуществлено и в рамках применения «коммуникативной» методологии. Речь идет о приоритете коммуникативных связей

²⁷ Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации. С. 31.

²⁸ Павлов В. И. От классического к неклассическому юридическому дискурсу: очерки общей теории и философии права. Минск, 2011. С. 6.

²⁹ Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь // Национально-правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by> (дата обращения: 20.04.2017).

между людьми в обществе, публичной власти как средстве общесоциальной коммуникации, понимании прав и свобод человека как антрополого-коммуникативных феноменов, трактовке легитимности как категории не столько рациональной, сколько иррациональной и т. д. Формулировка новых методологических походов к развитию национального законодательства на основе ценностно-мировоззренческого, историко-цивилизационного и инструментального подходов (гл. 5 Рекомендаций) также может основываться на теоретических достижениях коммуникативного подхода. К ним следует отнести «новый интегративный подход», коммуникативную модель понимания права и правовых отношений, идею эволюционной природы правового знания, понимание человека как субъекта правовых коммуникаций. Возникает такой вопрос: каким образом сочетается изложенная в Рекомендациях теоретическая попытка преодолеть ограниченность новоевропейских методологических подходов и заявленный адептами коммуникативного подхода универсализм концепции, при всем внимании к национальным теоретическим достижениям? На наш взгляд, это противоречие связано с различными стратегическими целями, которые ставят перед собой творцы новых методологических концептов и подходов. Для Республики Беларусь здесь на первом месте формулирование практико-ориентированного и идейно-теоретического доктринального источника, призванного помочь в совершенствовании национального законодательства. Причем следует отметить, что характер и сущность незападных ценностей, на которых в Рекомендациях сделан акцент, продолжают оставаться предметом дискуссии. Иная теоретическая основа и научная традиция у адептов коммуникативного подхода, где можно достаточно смело говорить о двухвековой практике поиска стратегии правового развития. Тем не менее, решение актуальных вопросов правового характера в Республике Беларусь возможно на основе востребованности коммуникативного и иных методологических подходов, которые также переживают процесс совершенствования, развития, особенно в части совершенствования законодательства в конкретных отраслях национального права.

Литература

Демидов А. И. О методологической ситуации в правоведении // Известия вузов. Правоведение. 2001. № 4. С. 14–22.

Калинин С. А., Павлов В. И., Сивец С. М. Правовая политика Республики Беларусь: современное состояние и стратегии развития // Весці Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Серыя грамадскіх навук. 2014. № 2. С. 83–88.

Калинин С. А., Павлов В. И., Чубковец С. Н. Правовая политика Республики Беларусь в цивилизационно-культурном контексте (доктринальный и нормативный аспекты) // Право.by. 2014. № 4. С. 25–32.

Павлов В. И. От классического к неклассическому юридическому дискурсу: очерки общей теории и философии права. Минск: Акад. МВД Республики Беларусь, 2011. 319 с.

Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Известия вузов. Правоведение. 2006. № 2. С. 26–43.

Поляков А. В. Современная теория права: ответ критикам // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 6. С. 6–39.

Савко С. Президент: директива № 1 не соответствует нынешнему уровню развития общества. URL: <http://news.tut.by/society/459316.html> (дата обращения: 14.04.2017).

Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI. М.: Весь мир, 2012. 160 с.

Шевченко С. Как в лесу без компаса // Советская Белоруссия. 2015. 14 авг.

References

Demidov A. I. O metodologicheskoi situatsii v pravovedenii [On the methodological situation in jurisprudence]. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2001, no. 4, pp. 14–22. (In Russian)

Habermas J. *Ah, Europe. Short Political Works, XI* [*Kleine politische Schriften, XI*]. Moscow, Ves' mir Publ., 2012. 160 p. (In Russian)

Kalinin S. A., Pavlov V. I., Chubkovets S. N. Pravovaia politika Respubliki Belarus' v tsivilizatsionno-kul'turnom kontekste (doktrinal'nyi i normativnyi aspekty) [Legal policy of the Republic of Belarus in the civilizational and cultural context (doctrinal and regulatory aspects)]. *Pravo.by*, 2014, no. 4, pp. 25–32. (In Russian)

Kalinin S. A., Pavlov V. I., Sivets S. M. Pravovaia politika Respubliki Belarus': sovremennoe sostoianie i strategii razvitiia [Legal Policy of the Republic of Belarus: the status and development strategies]. *Vestsi Natsyianal'nai Akademii navuk Belarusi. Seryia gramadskikh navuk* [*Herald of National Academy of Sciences of Belarus*], 2014, no. 2, pp. 83–88. (In Russian)

Pavlov V. I. *Ot klassicheskogo k neklassicheskomu iuridicheskomu diskursu: ocherki obshchei teorii i filosofii prava* [From the classical to the nonclassical legal discourse: essays on theory and philosophy of law]. Minsk, Publ. Akad. MVD Respubliki Belarus', 2011, 319 p. (In Russian)

Polyakov A. V. Postklassicheskoe pravovedenie i ideia kommunikatsii [Post-classic jurisprudence and the concept of communication]. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2006, no. 2, pp. 26–43. (In Russian)

Polyakov A. V. Sovremennaia teoriia prava: otvet kritikam [The modern theory of law: the answer to critics]. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2011, no. 6, pp. 6–39. (In Russian)

Savko S. Prezident: direktiva № 1 ne sootvetstvuet nyneshnemu urovniu razvitiia obshchestva [The President: Directive No. 1 does not correspond to the current level of development of society]. Available at: <http://news.tut.by/society/459316.html> (accessed: 14.04.2017). (In Russian)

Shevchenko S. Kak v lesu bez kompasa [Like in a forest without a compass]. *Sovetskaiia Belorussiiia newspaper*, August 14, 2015. (In Russian)